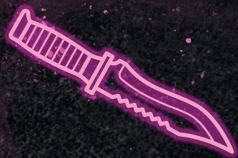

ОН ХОЧЕТ МСТИ. ОНА ЖАЖДЕТ СВОБОДЫ.
НО ОБА РИСКУЮТ ПОТЕРЯТЬ СВОИ СЕРДЦА.

18+

РУК
и

Бунтарка

КЕЙТ КРЮ

Кейт Крю
Рук и бунтарка
Серия «Хорошие девочки
сгорают. Темная романтика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74373806

ISBN 978-5-04-252257-4

Аннотация

Горячий дарк-романс о мести для фанатов Бринн Уивер и Навессы Аллен. Держитесь крепче! Вас ждёт: татуированный «плохой парень», диалоги с перчинкой, бешеная скорость и обжигающая страсть.

Рейган

Моя жизнь – сплошные правила. Быть хорошей девочкой, принимать ответственные решения... Лишь бы заслужить одобрение отца и стать наследницей семейного бизнеса вопреки его недоверию. И ради этого я отказалась от грандиозной мечты: заняться искусством.

Но у судьбы свои планы.

Случай сводит меня с незнакомцем, который... угрожает мне пистолетом. Рук груб, опасен и совсем не похож на тех, кого я должна подпускать к себе. И все же я постоянно думаю о нем и ищу знакомый байк на улицах. Держать дистанцию становится

невозможно: встречи с Руком – единственное, что заставляет меня чувствовать себя живой.

Рук

Много лет назад Кэмерон Флетчер отнял у меня все: семью, дом, будущее... Теперь я жду момента, чтобы отомстить этому человеку, разрушившему мою жизнь. И встреча с Рейган кажется настоящим подарком судьбы.

Пай-девочка, не подозревающая, что ее мир основан на лжи – идеальный способ подобраться к моему врагу. Но на самом деле Рейган – вовсе не любимая наследница, а лишь безвольная марионетка отца. За образом послушной дочери скрывается бунтарка, жаждущая свободы, и меня не покидает влечение к ней. То, что начинается как месть, превращается в одержимость. Я хочу ее, но еще я хочу уничтожить ее отца.

Границы между ненавистью и желанием стираются, и я не уверен, где начинается одно и заканчивается другое...

«Кейт Крю мастерски пишет темную романтику с ошеломительным напряжением, диалогами с перчинкой и обжигающей химией. „Рук и Бунтарка“ – безрассудная, незабываемая поездка, и я не могла оторваться». – Альта Хенсли, автор бестселлеров USA Today

«Я влюбилась в эту парочку – они просто идеальны. Их „кошки-мышки“, постоянные перепалки – мне было безумно интересно за этим наблюдать. Необычный сюжет, обжигающая месть, напряженные моменты и сцены, от которых замирает сердце...» – Отзывы читателей на сайте GoodReads

«Что бывает, когда сталкиваются два противоположных мира: плохого мальчика, движимого местью, и правильной девушки? „Рук и Бунтарка“ – идеальная смесь прекрасной химии между

персонажами, отличного юмора и интересного сюжета».°– Алина Melanchallina, создатель группы «Чердак с историями»

Содержание

Предупреждение о содержании	7
Плейлист	8
1	9
2	16
3	27
4	37
5	46
6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Кейт Крю

Рук и бунтарка

Copyright © Kate Crew, 2026

© Veta Konstant, перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство „Эксмо“», 2026

* * *

Книжным девочкам – пусть у вашей двери однажды появится горячий татуированный парень на мотоцикле с коробкой печенья, чтобы вам не пришлось отрываться ни от дома, ни от книги.

Предупреждение о содержании

В тексте присутствуют упоминания болезни родителей, неизлечимых заболеваний, разговоры о пожарах, смерти и пострадавших от ожогов. Также затрагиваются сцены и темы огнестрельного и ножевого насилия, пыток (преследования, разговоры о каннибализме).

Плейлист

My Bloody Valentine – Good Charlotte

Monsters in My Mind – Cloudy June

KNIVES – Neoni, Savage Gas\$п

Loser – Neoni

hell of a good time – Haiden Henderson

Shadow – Livingston

MATCH MADE IN HELL – Dutch Melrose, benny Mayne

BODY BAG – Neoni

No Angels – Stellar

Nails – Call Me Karizma

Mutiny – Neoni

UH OH – Neoni

HOOLIGAN – Neoni

Helena – My Chemical Romance

Daydreams – We Three

Daylight – David Kushner

1

Рук

Огни города расплывались, когда я выкручивал газ до упора – рев мотоцикла заглушал хаос в моей голове. Я собирался их убить. Всех до единого. За то, что свалили на меня эти чертовы заказы именно сегодня.

Весь день в мастерской пошел к чертям, а теперь я даже не был уверен, не сломал ли себе руку, когда врезал тому парню. Я бил его снова и снова, выплескивая из себя ярость до последней капли. На несколько минут это помогло. Ровно до тех пор, пока я не сел на байк и реальность не обрушилась на меня вновь.

Часов катастрофически не хватало, чтобы все успеть. Новые дела валились одно за другим, а голова отказывалась соображать. У меня было все, чего можно хотеть: два успешных бизнеса, приличное жилье для меня и Иви, деньги – сколько угодно. И этого все равно было недостаточно.

Я жаждал власти. Хотел подмять под себя каждого из этих ублюдков, на кого нам все еще приходилось работать, и разрушить их жизни. Этих больных извращенцев, которые, казалось, вообще не несли никакой ответственности за все, что творили. Генеральные директора, правительственные чинуши и все, кто между ними. Те самые мужчины, которым ты

улыбаешься на улице и машешь рукой, но ночью они занимаются отвратительными и незаконными вещами.

Хотелось, чтобы они все оказались на самом дне. Чтобы их жизни сгорели дотла, и чтобы эти ублюдки увидели, что смогут собрать из обломков.

Я свернул к нашей мастерской: гаражные ворота уже были открыты, так что я заехал прямо внутрь. Коротко газанул, наполнив помещение оглушительным эхом мотора – и все головы тут же повернулись в мою сторону.

– Черт, да ты, похоже, в бешенстве, – сказал Эйден, ковыряясь в ухе.

– Какого хрена вы тут все делаете?! – заорал я, срывая с себя шлем. – Я, значит, ношусь черт знает где, а вы тут сидите на своих задницах и отлично проводите время? Вы вообще в курсе, сколько у нас работы?!

Когда я слез с байка, нога и бок ныли. Чем дольше тянулась дорога после драки, тем сильнее болел ожог. Я попытался вытянуть ногу, зная, что это не поможет. Боль станет только сильнее, прежде чем отпустит. Оставалось надеяться, что я дотяну до конца встречи и смогу лечь. А после будет адская боль, и еще полночи придется ворочаться без сна.

Это был бесконечный круг: работа, еще работа, боль и вымученный сон, чтобы утром начать все заново. И я был готов повторять это снова и снова. Деньги у нас были. Власть по всему городу тоже. Иви, кажется, была довольна жизнью и находилась в безопасности, а это волновало меня больше

всего.

Я бросил взгляд на Эйдена – он закатил глаза. Иви сделала то же самое.

– Проблемы? – спросил я.

У моей сестры была привычка всегда находить язвительный ответ, и сейчас это вряд ли стало исключением.

– Ты вечно ноешь, что тебе приходится брать на себя все эти заказы, – сказала Иви, улыбаясь мне, – а потом первым же и вызываешься. Определись уже. Либо отпусти контроль, либо смиришься с этим.

– Байки Хиро и Мейсона вышли из строя, – добавил Эйден, не давая мне огрызнуться Иви в ответ. – Они их чинят. Зак сейчас с другим новеньким, выполняют пару мелких поручений, но до твоего уровня им пока что далеко, – пояснил он. – Зак, мягко говоря, не мастер допросов, а Кейн в прошлый раз, когда ему пришлось кого-то пырнуть, вообще блевал.

– А у тебя что? – рявкнул я.

– Я нянька, – фыркнул он. – Хочешь поменяться?

Он кивнул в сторону Иви, которая теперь свернулась в кресле и хмуро уставилась в телефон.

– Да, пожалуйста, меняйтесь, – прокомментировала она. – Меня от него уже тошнит.

– Тогда перестань, черт возьми, писать мне, когда я сижу прямо рядом с тобой.

Он покачал головой и отвернулся, лишь бы не смотреть

на нее.

Иви одарила его приторно-сладкой улыбкой.

– Но тогда мне придется смотреть на твою отвратительную физиономию, когда я говорю.

– Что у тебя осталось? – спросил он у меня. – Что бы это ни было – я возьму.

– Мне нужно найти Эллиота и пару раз его хорошенько приложить, пока он не созреет для оплаты.

– По рукам. Я беру, – тут же отозвался он. – А ты посиди со своей психованной сестричкой.

– О-о, бедный Эйден расстроился, – протянула Иви. – Приехал спасать меня с ужасного свидания, и в итоге мы даже не перепихнулись.

– Плохое свидание? – переспросил я.

Иви исполнился двадцать один год всего пару месяцев назад, и хоть мне было плевать, встречается сестра с кем-то или нет, я бы предпочел, чтобы она тщательнее выбирала парней. Многие знали нас и с радостью воспользовались бы любым поводом, чтобы подобраться поближе.

– Этот парень – конченный и просто бросил ее в ресторане, – сказал Эйден, глянув на нее. – Хотя, возможно, дело в том, что ты вытащила из сумки пистолет вместо помады, *психопатка*. И нет, я не рассчитывал, что мне сегодня перепадет. Даже не шути об этом – или Рук меня убьет.

Она надула губы.

– Рук, Эйден сказал, что не станет меня спасать со свидания.

ния, если я с ним не пересплю.

Проигнорировав их, направился к своему ящику с инструментами за вторым стволом. Их перепалка долбила по вискам, и я сжал челюсти, пытаясь не дать головной боли разрастись. В последнее время Эйден с Иви будто только и делали, что цапались друг с другом.

– Нет, серьезно, – сказал Эйден. – Я все сделаю.

– Ни за что. Ты остаешься здесь и следишь, чтобы она не поехала выслеживать того парня. Мне нужно выполнить задание, и если мы оба уедем, потом всю ночь придется искать ее, а затем прятать тело.

Она ухмыльнулась.

– Если ты не хочешь, чтобы этим занялась я, могу просто скинуть его адрес. Заедешь по пути.

– Он что-нибудь тебе сделал, кроме того, что сбежал из ресторана, потому что ты напугала мужика до смерти?

– Нет, – проворчала она, скривив губы. – Вы оба просто отвратительны.

Мотосалон, который мы держали на первом этаже, закрылся несколько часов назад, и теперь предстояло провести ночь, разбираясь с другой стороной нашего бизнеса. С той самой – незаконной, которая и приносила львиную долю денег.

Натянув шлем, я завел байк. Прекрасный, «убитый» в черный R1 – сейчас он был любовью всей моей жизни. Глубокий черный цвет, почти сливающийся с ночью, сегодня

определенно играл мне на руку.

Я отправил сообщение парню, которому платил за слежку за Эллиотом, и он почти сразу ответил: *Эллиот собирается на арт-выставку, на свидание.*

Моя губа дернулась. Семейство Эллиота купалось в деньгах, но он решил, что может просто забыть о своем карточном долге перед нами – пятнадцать тысяч долларов. Зато субботний вечер он проводит на чопорной, пафосной арт-выставке, пытаюсь кого-нибудь трахнуть.

Вот же урод.

Я направился в сторону центра, но, узнав дорогу, свернул, сделав небольшой крюк.

Особняк Кэмерона Флетчера возвышался, в ночи его огни сияли как маяк, выставляя напоказ богатство и мнимое величие. Он считал себя королем, и денег у него было достаточно, чтобы купить себе такой титул где-нибудь официально. С его нарциссизмом он, вероятно, уже это сделал.

Яркая картина моего дома, в котором мы жили в детстве, охваченного пламенем, обрушилась на меня. Запах горящих проводов и дерева скрутил желудок. Даже думать не хотелось о том, как к этому примешивался запах горячей плоти. А затем – резкий химический смрад, когда мы выбрались через гараж. Крики и рыдания Иви, когда она, задыхаясь, пыталась откашлять дым из легких.

И, пожалуй, самый страшный из всех образов. Тот, что выжжен у меня в голове и всегда всплывает в самые непод-

ходящие моменты: родители, запертые в огне, пока я стоял снаружи и ничего не мог сделать.

А теперь он здесь. Человек, который все это устроил. И он надежно заперся в собственном доме.

Справедливость так и не пришла за тем, кто отнял у меня все. Все ужасы, которые он сотворил, так и не вернулись к нему. Говорят, людям в стеклянных домах не стоит бросаться камнями в других, и Кэмерон Флетчер прислушался к этому совету – построил себе надежную крепость. Сделал его неприступным, чтобы карма до него не добралась. И до сих пор это работало.

До тех пор, пока я не вырос и не решил, что больше не стану ждать вмешательства судьбы. Теперь карма придет к нему через меня.

И ничто не приносило такого удовольствия, как мысль о том, что я спланирую и сожгу его жизнь дотла точно так же, как он однажды сжег мою.

2

Рейган

Мне хотелось откинуться на спинку жесткого дивана, но он для этого явно не подходил. В кабинете моего отца вся мебель была такой – жесткой, дорогой и старинной. Она требовала идеальной осанки, поэтому приходилось сидеть прямо, терпя неудобство, пока отец перечислял мой список дел на ближайшие две недели.

С каждым новым пунктом становилось все очевиднее, что я там лишняя. Все эти мероприятия были для него и ради его бизнеса. Иногда возникало чувство, будто я просто занимаю место и не приношу никакой пользы, и от этого становилось так неловко, что хотелось спрятаться. Но ради него я была готова на все. Он был моим отцом, и после смерти мамы казалось важным держаться за единственного члена семьи, который у меня остался.

Отец возглавлял крупнейшую охранную компанию в городе. После того как он рассказал, насколько для него важна семейная преемственность, я мечтала однажды занять его место. Именно поэтому отказалась от мыслей об учебе в художественной школе и поступила в престижный университет, чтобы получить диплом по управлению бизнесом, надеясь, что отец даст мне шанс. Но теперь он, казалось, ку-

да больше сосредоточен на расширении компании, чем на том, чтобы готовить меня к наследованию. А учитывая его болезнь, требовать от него большего я не могла.

Еще в прошлом году он сказал, что его болезнь – амилоидоз¹ – со временем приведет к отказу органов. Лечение лишь продлевало ему жизнь. За этот год мы смирились с неизбежным, но мне хотелось, чтобы каждая минута, проведенная с ним, имела значение. Ему не было равных, и я стремилась перенять все, чему только могла научиться. Но отец так и не позволил мне начать по-настоящему. Я сделала все правильно, прошла все нужные этапы, но он все равно считал, что я не готова. Возможно, ему хотелось оставить после себя идеальное наследие. А может, он просто не хотел сталкиваться с мыслью о том, что однажды единственная дочь займет его место. В любом случае мне все равно нужно было учиться.

Задания, которые он мне поручал, обычно сводились к одному: посещать приемы и улыбаться всем, кого он знал в городе. Еще один способ напоминать о себе, не пошевелив и пальцем. Я соглашалась продолжать, но ненавидела эти выходы. Толпы, пустые разговоры, взгляды, ожидающие от меня остроумных и веселых реплик, – все это лишь сковывало тревогой. Я редко с кем-то разговаривала: никого не знала, да и помимо этих приемов отец не поощрял мои выхо-

¹ Амилоидоз – группа заболеваний, характеризующихся нарушением белкового обмена и отложением в тканях организма специфического белка – амилоида, что приводит к поражению органов и нарушению их функций.

ды в свет. А тот, о котором он продолжал монотонно рассказывать, оказался очередным чрезвычайно важным званым ужином с клиентами и партнерами его компании, чье расположение мне предстояло поддерживать.

Я старалась не показать своего разочарования. Мне казалось, что я заслуживала большего, чем просто сидеть без дела. Хотелось вызовов, приключений, настоящей жизни, а не вечного существования в четырех стенах. Если бы он только понял, что его дочь способна на большее. Он загонял себя до изнеможения, и я знала: ни один врач бы этого не одобрил. Не знаю, что было тому причиной: болезнь или стресс, – но отец словно все меньше хотел, чтобы я уходила из дома. Тем не менее продолжала слушать, надеясь, что он увидит: я могу ему помочь.

Могла бы... делать хоть что-то. Я не до конца понимала, чего именно он ждет от меня, но была уверена: я смогу научиться.

Он продолжал, объясняя, что мы не имеем права пропустить ни одного мероприятия, раз уж он решил баллотироваться в мэры в следующем году. Казалось, отец пытался уместить целую жизнь в несколько оставшихся лет. Я старалась понять его и быть рядом, но необходимость просто сидеть и красиво улыбаться на приемах изматывала до предела.

– Меня все устраивает, – сказала я, понимая, что согласие хотя бы позволит сегодня выйти из дома. – У меня вечером планы с Эллиотом. Мы собираемся на новую арт-выставку.

– Ладно. Ладно, – отозвался он, перелистывая еще несколько бумаг. – Увидимся завтра. Когда-нибудь.

Отец так и не поднял на меня взгляд. Это стало привычным – разговаривать с ним, пока он смотрит в телефон, но легче от этого не становилось. Каждый раз я чувствовала себя все более отвергнутой и допускала ужасную мысль: неужели я и правда настолько неинтересна?

Я почти перестала куда-либо выходить: отец все время хотел, чтобы я оставалась дома, в безопасности. У меня не было никаких увлечений, кроме рисования и разглядывания картин. Не было работы, и как бы сильно ни хотела получить ее у отца, мне, очевидно, не собирались ее давать. А в пределах этого дома я и так делала все, что могла: оставалась рядом, помогала с тем, что ему было нужно, но он, казалось, нуждался во мне все меньше и меньше.

Может, я действительно стала скучной.

– Ладно, – сказала я и вскочила, быстро обняв отца, прежде чем направиться к выходу. – Тогда увидимся.

Нужно было выбраться наружу и остановить этот вихрь мрачных мыслей, в который я, казалось, все глубже погружалась.

Это означало очередные выходные почти в полном одиночестве в этом огромном доме – отец будет держаться своей части. Сам дом был в порядке, если не считать его гигантских размеров. Когда проводишь в нем дни в одиночестве, начинаешь понемногу сходить с ума.

Так что к списку того, что я о себе знала, можно было добавить: скучная и параноик. Я закатила глаза, выходя на тротуар. Звучит так, будто со мной просто потрясаяще проводить время.

Но это моя жизнь, и проблемы могли быть куда серьезнее. По крайней мере, сегодня я выберусь из дома и, если повезет, проведу этот вечер не одна.

Я всегда любила бывать на новых художественных выставках. Что я довольно быстро поняла – это то, что ходить на них с Эллиотом мне не нравилось.

Я перешла к следующей картине, разглядывая черные мазки, разбросанные по синему фону. Сделала несколько шагов назад, прежде чем поняла: художник изобразил глаз. От его яркой голубизны перехватило дыхание.

– Сколько мы еще будем пялиться на эту? – спросил Эллиот.

– Я только что подошла к ней, – сказала я, пытаясь неловко рассмеяться. Он едва ли не притопнул ногой, и я перешла дальше. Завитки черного, красного и желтого складывались в пылающее ночное небо. По крайней мере, когда в жизни не за что было зацепиться чувствами, искусство всегда находило отклик.

– Пойдем, – сказал Эллиот, уткнувшись мне в шею. – Мы можем заняться кучей других вещей. Очень веселых. Очень... увлекательных.

Как только он это произнес, стало ясно – на этом он не остановится. Что бы я ни сказала, все сведется к очередной пошлой шутке, пока я не сдамся. Нельзя сказать, что Эллиот мне совсем не нравился. Он был... нормальным. Но что-то в том, как он всегда переходил к сексу, отталкивало меня.

Мы свернули в следующий зал, и он потянул меня за руку.

– Рейган, – сказал он, кивнув в сторону выхода.

– Знаешь что? Мне правда пора домой, – улыбнулась я. –

Нам лучше идти.

Конечно, мне не нужно было домой. Там меня ничего не ждало. Но оставаться здесь с ним дольше мне не хотелось ни секунды.

Эллиот с готовностью закивал и направился за нашими пальто. Я достала телефон, чтобы написать Харпер. Моя лучшая подруга знала меня достаточно хорошо, чтобы понимать: рано или поздно во время свидания я обязательно ей напишу. Почему бы не начать пораньше.

РЕЙГАН:

Занята?

ХАРПЕР:

К сожалению, да. Побочный эффект развода – за меня сейчас воют. Что, по идее, должно льстить, но, если честно, уже надоело. Ты разве не с Эллиотом сегодня?

РЕЙГАН :

С ним. И я уже готова ехать домой. Хочу фильм, свою кровать и печенье с шоколадной крошкой.

ХАРПЕР :

Ты же понимаешь, что все это можно получить и просто валяясь в постели с Эллиотом?

РЕЙГАН :

Ты знаешь Эллиота, а значит, знаешь, что это не совсем в его стиле.

ХАРПЕР :

Знаю. Какой вообще нормальный мужик не хочет зависать полуголым со своей девушкой и есть печенье? Честно – уже повод с ним расстаться.

РЕЙГАН :

Может, сегодня он передумает.

ХАРПЕР :

Ради тебя – надеюсь. Напиши мне, когда будешь дома, чтобы я знала, что Эллиот не

сорвался и не запер тебя в подвале.

РЕЙГАН:

Не смешно.

Мы пересмотрели бесконечное количество выпусков *Dateline*², и теперь обе были настороже. Харпер была уверена, что однажды Эллиот сорвется, и я начинала с ней соглашаться. В последнее время он дергался из-за каждой мелочи, словно всего боялся, но я не могла понять почему.

Я убрала телефон обратно в сумку и направилась к выходу, уже заметив Эллиота, который ждал меня с моим пальто в руках. Я еще недостаточно отчаялась, чтобы польститься на то, насколько возбужденным он казался сегодня.

Это свидание не переживет даже дорогу домой, и я надеялась, что у него хватит понимания не давить на меня.

Эллиот умел быть веселым. Он мог быть бесконечно беззаботно веселым, но именно этого мне сегодня и не хотелось.

Он обхватил своей ладонью мою и вывел меня на тротуар, сразу же свернув направо.

– Ты куда? Машина в другой стороне.

– Я знаю, – улыбнулся он. – Хочу показать тебе одно место.

– Какое еще место?

² *Dateline* – это популярная американская телевизионная программа в жанре true crime. – Прим. пер.

– Тут неподалеку есть милый вид на реку, – ответил он. – Думаю, тебе понравится.

– Это романтическая смотровая площадка или новое место для реализации твоей мечты о сексе на публике? И вот сюда? Серьезно?

Дорожка, ведущая к той самой «площадке», выглядела скорее как начало фильма ужасов, чем как место для милой прогулки. Фонари стояли все дальше друг от друга, а лавки с каждым кварталом выглядели все более заброшенными.

– Да, сюда, – ответил он.

Это казалось странным, но я все равно пошла за ним. Как бы заманчиво ни звучала мечта лежать в кровати и есть печенье, еще один вечер в одиночестве в огромном доме совсем не радовал.

– Эллиот, это плохая идея. Может, вернемся? Тут полно других мест, куда можно сходить.

Он обнял меня за плечи.

– Все нормально, детка. Тут недалеко. Я с тобой. Я защищу тебя.

Позади нас раздался рев двигателя – низкий, глухой, разрезавший тишину ночи. Я обернулась, и по спине пробежал холодок.

По дороге медленно катился идеально черный мотоцикл. Фары были выключены, но по низу корпуса тянулась тонкая линия розовой подсветки. Розовое свечение выглядело неожиданно... мило, учитывая, где мы находились.

Одежда мотоциклиста была такой же черной, как и байк – он почти сливался с ночью. Я то и дело оборачивалась на него, пока мы шли дальше. Мотоциклист медленно выпрямился в седле и наклонил голову в мою сторону, будто понял, что я на него смотрю.

Казалось, его взгляд прожигает даже на расстоянии, но шлем скрывал лицо, не позволяя понять наверняка.

Я крепко сжала ладонь Эллиота – сердце бешено заколотилось. Инстинкты кричали, что что-то не так.

– Эллиот... – прошептала я. – Этот мотоцикл... он что, едет за нами?

Эллиот оглянулся через плечо: его глаза расширились, прежде чем он резко отвернулся и ускорил шаг.

– Сомневаюсь. С чего бы мотоциклисту нас преследовать? – сказал он, пытаюсь казаться спокойным, но дрожь в голосе выдала его с головой.

Мы пошли быстрее, но рев двигателя не исчез, наоборот, становился все громче и ближе. Я сжала руку Эллиота еще крепче, ладонь вспотела. Каждый шаг давался тяжелее предыдущего. Темнота сгущалась вокруг нас, затягивая в удушающую хватку. Жуткие тени между разбитыми фонарями заставляли кожу покрываться мурашками.

Я снова оглянулась. Мотоцикл был уже совсем близко, его мотор урчал как хищник, отслеживающий добычу.

– Эллиот, – прошептала я. – Он точно за нами.

Эллиот не ответил, но ускорился. Его рука дрожала в мо-

ей, и я поняла – он напуган не меньше. Так себе вышло с его обещанием. Нам не понадобилось и двух кварталов, чтобы понять: на нас охотятся.

Каждый волосок на теле встал дыбом. Я чувствовала опасность. Дорога разветвилась, и Эллиот резко потянул меня влево. Городской шум исчез, утонув в реве мотоцикла.

– Нам нужно убираться отсюда, – сказала я, дрожа. – Сейчас же.

Эллиот кивнул, наконец разделяя мою настойчивость. Мы перешли на бег, но двигатель мотоцикла взревел – звук ударил по нервам новой волной страха. Он был слишком близко.

Без предупреждения мотоцикл с воем пронесся мимо нас и резко подрезал путь у входа в переулок. Байк ушел в занос, визг шин разрезал воздух, перекрывая нам дорогу, и у меня перехватило дыхание.

Преследователь молчал, лишь наклонил голову, будто его забавлял наш страх. Мы могли попытаться бежать, но мотоцикл без труда догнал бы нас.

Мы оказались в ловушке. И выхода не было.

3

Рейган

Я будто приросла к асфальту, лихорадочно взвешивая – сбежать или остаться.

Мотоцикл продолжал работать на холостых, но подсветка снизу щелкнула и погасла, когда водитель встал. Черные ботинки, черные джинсы, черная куртка, черный шлем. В нем не было ни одной детали, за которую мог зацепиться взгляд, и, если бы не урчание двигателя, я бы, наверное, даже не заметила его, стоящего всего в паре метров от меня.

Он закатал рукава, обнажая татуированные кисти и предплечья, мышцы которых напряглись при движении. Металлический блеск привлек мой взгляд: он поднял пистолет, и у меня ухнуло в животе.

– Кошелек, – потребовал он, кивнув в сторону Эллиота.

Я застыла, вцепившись в сумку, лихорадочно решая, отдать ее или попытаться драться за нее. Вся моя жизнь была в этой сумке, но у меня не было ни малейшего понятия, как сражаться с вооруженным мужчиной.

Пока я колебалась, разрываясь между тем, чтобы сдаться или сопротивляться, Эллиот сделал свой выбор.

Он выпустил мою руку, резко развернулся и побежал обратно, туда, откуда мы пришли.

Эллиот сбежал.

Причем быстро. Очень быстро.

Он, *мать его*, побежал.

Эллиот успел добежать до конца квартала, прежде чем я вообще осознала, что произошло. Он просто сбежал, оставив меня одну, на пустой улице, с жестоким мужчиной с пистолетом.

Вот и все его «я защищу тебя».

Мотоциклист снова повернулся ко мне. Его лицо по-прежнему скрывал шлем, но я физически ощущала тяжесть чужого взгляда. Он чуть наклонил голову, изучая меня с хищным любопытством. Медленно опустил пистолет. Мужчина приподнял футболку, и я заметила край темной татуировки, змеящейся по коже. Оружие исчезло за поясом, и когда грабитель поднял руку, я инстинктивно вздрогнула, ожидая худшего.

Но он всего лишь снял шлем.

– Ладно, какого хрена? – спросил он. – Вы что, не на свидании были?

– Эм... да, были. Мы встречаемся уже шесть месяцев, – слова высыпались из меня. Я чувствовала себя так, словно пробираюсь сквозь густой туман.

Эллиот правда сбежал, даже не крикнув мне бежать за ним? Даже не оглянувшись, чтобы проверить, иду ли я следом? Он оставил меня здесь, чтобы выиграть себе время?

– Ну, шесть месяцев – это вполне достаточно, чтобы не

бросать девушку одну с мужиком, который пытается его ограбить, – продолжил он. – У меня на вас пушка направлена, а он просто дал деру? Если выбор – получить пулю или провести вечер, бродя по арт-галерее, я бы подумал, что решение очевидное: лучше уж под пули. Но даже так... должен был хотя бы попытаться тебе помочь.

Я стояла, ошеломленная, пока мой несостоявшийся грабитель говорил со мной так, словно мы старые знакомые и он сам в шоке от поведения Эллиота.

– Прости... – сказала я, наконец приходя в себя. – *Ты* что, *меня* жалеешь?

– Я бы сказал, скорее возмущен, но да – твой парень довольно жалок. Он должен был стоять здесь и принять бой, черт возьми.

Я отступила к зданию и прислонилась к прохладной кирпичной стене, цепляясь пальцами за шероховатую поверхность, чтобы вернуться в реальность.

– Вау. Просто вау. Я настолько жалкая, что мужчина, который пытался ограбить меня под дулом пистолета, испытывает ко мне сочувствие?

– Подожди. Давай расставим точки над *i*. Я грабил его. Не тебя.

– Нет? Ты направил на меня пистолет!

– В основном я целился *в него*. На тебя – всего секунду. Для эффекта неожиданности. Твой парень должен мне деньги, и меня «добровольно» отправили их забрать. – Мотоцик-

лист покачал головой. – Ну... или хотя бы напугать его достаточно, чтобы он попытался эти деньги найти.

Я бросила взгляд на то место, где еще минуту назад стоял Эллиот:

– Что ж, напугать тебе удалось. Половину задачи ты выполнил.

– Да, но он не знает, кто я, так что план почти провалился. Честно говоря, вообще не ожидал, что он *так* быстро сбежит. Я даже речь не успел толкнуть. Не смог ни разу сравнить его с убегающей девчонкой. Хотя, если честно, думаю, девчонка продержалась бы дольше. – Он фыркнул. – Черт, одна так вообще осталась.

Я рассмеялась и тут же пожалела об этом. Мне не следовало находить своего несостоявшегося грабителя смешным. Я подняла на него взгляд. Маска закрывала нижнюю часть лица, темные волосы растрепались от шлема, а глаза были устремлены прямо на меня. К сожалению, следующая мысль была куда хуже – я поняла, что он чертовски горяч.

– Ладно, пойдем, – сказал мотоциклист, протягивая руку со шлемом, будто я должна была его взять.

– Пойдем... куда? – спросила я.

– Поехали. Отвезу тебя домой. В отличие от твоего парня, я не собираюсь оставлять тебя одну на пустой улице ночью. И у меня еще есть дела на сегодня, так что давай – шевели задницей.

– Серьезно? Планируешь больше одного ограбления за

ночь? Неожиданно. И, может быть, он просто знает, что я взрослая, вполне самостоятельная женщина, – сказала я, расправляя плечи. – Может, Эллиот просто решил, что я сама разберусь и побегу вместе с ним.

– Учитывая, что ты даже не дернулась, когда я подъехал с пистолетом, не сомневаюсь в этом. Я вообще думал, что это ты на меня полезешь.

– Тогда почему ты решил, что я не могу добраться до дома сама?

Он шагнул ближе, и теперь я заметила голубизну его глаз. Черная одежда в сочетании с этой синевой напомнила мне ту картину. Глубокие черные оттенки и яркий, ледяной голубой. Почти такая же красивая композиция, как та, на которую я смотрела в галерее. Он рассмеялся низко, глухо, и этот звук снова привлек мое внимание.

– Ты вообще понимаешь, где находишься? Если ты думаешь, что сможешь спокойно дойти отсюда домой одна и тебя никто не тронет, ты ошибаешься. И я сильно сомневаюсь, что сюда приедет хоть какое-нибудь такси. Так что либо сядишься на мой байк, либо рискуешь нарваться на кого-то похуже.

– А если они окажутся приятнее тебя?

– Я сейчас тебя не граблю, не трогаю и не планирую делать ни то, ни другое. Поступит ли так же кто-то другой?

Пустая улица и жуткая тропинка уже заставляли кожу покрываться мурашками, но этот мужчина всего минуту назад

держал меня на мушке.

– Думаю, ты должен знать: я умею за себя постоять. Так что, если ты попытаешься меня тронуть или ограбить, я дам отпор.

– О да, я весь дрожу от страха. А теперь садись на байк, – сказал он скучающим тоном, из-за которого я прикусила нижнюю губу. Технически, если сяду, он может увезти меня куда угодно. Но если не сяду – останусь здесь.

– Я вообще-то не сажусь в машины к незнакомцам. И на заднее сиденье мотоцикла тоже... ну, никогда.

– Тогда поздравляю, – усмехнулся он. – Ты вот-вот станешь бунтаркой. Судя по всему, впервые в жизни.

С другого конца квартала кто-то крикнул, и когда я оглянулась, увидела мужчину, идущего прямо к нам.

– Садись на гребаный байк, – рявкнул незнакомец, – либо я усажу тебя силой, либо оставлю с тем типом, который идет сюда. Либо мне придется убить его и заставить тебя расплакаться. – Он хмыкнул. – И тогда я брошу тебя здесь, но во втором варианте ты останешься рядом с трупом. А я сомневаюсь, что такой расклад тебя устроит.

Схватив его шлем, я откинула волосы и натянула его на голову. Я заметила, как на лице парня снова мелькнула улыбка, когда он перекинул ногу через байк и сел.

– Хороший выбор, Бунтарка. Похоже, мозги у тебя все-таки есть. И что, черт возьми, ты вообще делала с Эллиотом?

– Ты правда его знаешь? – спросила я, чуть приподнимая

визор. Шлем сидел свободно, но я была рада, что мне его вообще предложили.

– О да. Он хорошо известен в наших кругах. И далеко не по хорошим причинам. Даже не по «весело-плохим», – усмехнулся парень. – Если сегодняшнего вечера тебе было мало для намека, советую его бросить. Он по уши в долгах, так что молодец, что следишь за своей сумкой. Но я не тот, кому она нужна.

Он уселся на мотоцикле, а я так и осталась стоять, уставившись на него.

– Это... вообще мое место? – спросила я. Крошечный кусочек сиденья явно не был рассчитан даже на половину моей задницы.

– Да, оно самое. И если мне еще раз придется сказать тебе «садись на гребаный байк», мы сократим список вариантов, которые я тебе озвучил, до одного.

– До какого? – спросила я, уже качая головой. – Нет, не отвечай. Ты ведь тот еще ублюдок, да?

Он наклонил голову, прищурившись.

– Мы познакомились, когда я держал тебя на мушке. Я похож на милого, невинного мальчика?

– Нет. К сожалению, не похож.

А значит, он совершенно точно не вписывался в тип людей, с которыми я обычно общаюсь. По крайней мере, так мне казалось раньше. Потому что Эллиот, как выяснилось, тоже был очень далек от образа милого и невинного мальчи-

ка.

Я снова оглянулась на мужчину, идущего по улице. Что было лучше: поехать с безумцем на мотоцикле, который выглядел так, будто вполне способен меня убить, но при этом предлагал выбраться отсюда? Или рискнуть и остаться с этим странным типом на пустынной улице?

Я ведь всегда хотела, чтобы в моей жизни было больше приключений. Разве поездка на заднем сиденье мотоцикла незнакомца не подходила под это описание?

– А как... вообще на него садятся? – спросила я.

Он кивнул на подножки, наблюдая через плечо, как я ставлю ногу и пытаюсь забраться. Тут же потеряв равновесие, отступила назад, к счастью, устояв на ногах.

– Ты держись за мои плечи, чтобы сохранить равновесие, а не падаешь назад, как чертов олененок, – заорал он.

– Я не знала, можно ли тебя трогать! – заорала я в ответ. Затем снова оглянулась – мужчина был уже близко. – Черт возьми...

– Твою мать. Садись сейчас же, – голос мотоциклиста стал резким. – Тебе придется трогать меня куда больше, так что да, предполагаю, что руки на мне – это нормально.

Я уперлась ладонями в его плечи, поднялась на подножку и перекинула ногу.

– О... это как сесть на лошадь, – сказала я, пытаюсь устроиться на крошечном сиденье.

Он наклонил голову вперед, и я почувствовала, как его

трясет.

– Ты смеешься надо мной? – спросила я.

– Просто... – он выдохнул, – мне еще ни одна девушка не говорила такого в момент, когда седлала меня.

– Я не оседлала тебя, – возразила я, выпрямляясь на своем узком сиденье.

Он завел байк: громкий рев прокатился по мне вибрацией. Затем он резко дернул что-то, и мотоцикл рванул на пару сантиметров. Из меня вырвался крик, и я рухнула вперед, вцепившись в него.

– Да, – перекричал он рев байка. – Ты буквально на мне. Обними меня за талию или держись за бак. За меня можно держаться, пока мы не останавливаемся и не переключаем передачи – тогда упирайся в бак, чтобы удержаться. Не сжимай меня так, будто хочешь выжать из меня жизнь, иначе я высажу тебя и пойдешь пешком. Если что-то не так – постучи по мне, и я остановлюсь. Не заставляй останавливаться из-за того, что тебе страшно. Держи это при себе. – Он усмехнулся. – И если схватишься ниже пояса – это уже твоя чертова проблема. У меня уже несколько месяцев не было девушки на заднем сиденье байка, и я гарантирую: ты кое-что почувствуешь.

– Вау. Правил тут, оказывается, немало. И насчет того, что ты ублюдок, я, кажется, была права.

Он повернулся ко мне.

– Абсолютно, – подтвердил он. – Безопасность прежде

всего, Бунтарка.

Он резко опустил мне визор.

– А теперь держись.

4

Рук

На самом деле я понятия не имел, куда именно ее везу, но был уверен: рано или поздно она сама скажет. Я направился обратно в сторону центра, свернув направо, к богатым кварталам, а не налево, в сторону моего дома.

Не было ни малейшего шанса, что она из моего района. И дело было не только во внешности или манере держаться – Эллиот ни за что не стал бы встречаться с кем-то, кто не купается в деньгах. Я был уверен, что он уже давно шарится у нее в сумке, а она даже не догадывается об этом.

Не прошло и пары минут, как она постучала по моему плечу, и я даже не стал скрывать стон раздражения. Все равно она его не услышала. Я свернул на одну из пустынных улочек и заглушил байк.

– Здесь тебя посадить?

Она сняла шлем, и темные волосы рассыпались по плечам. Губы были темно-красными, помада чуть смазалась, самую малость. И я задался вопросом, не успел ли Эллиот начать действовать этим вечером. Но это все равно не объясняло, какого черта он потащил ее на ту опасную улицу. Там не было ничего, на что стоило бы посмотреть, и уж точно не было причины рисковать жизнью красивой девушки.

– Нет, – сказала она. – Но раз уж мы все равно рядом... Ты не против заехать в маленькую пекарню за углом? Они работают допоздна, а я хочу печенье.

– Ты только что попросила меня... остановиться и купить тебе печенье?

– Нет. Я хочу, чтобы ты остановился, чтобы я купила себе печенье.

– Ты что, считаешь меня своим шофером? Мальчиком на побегушках? Ты всегда просишь парней, которые держат тебя под дулом пистолета, свозить за перекусом?

– Парни, которых я обычно прошу отвезти меня за сладким, делают это с радостью и без вопросов.

– Я уверен, что парни, о которых ты говоришь, готовы сделать для тебя многое без вопросов. – Я усмехнулся. – Есть длинный список вещей, которые я сделал бы для тебя, не задавая ни одного вопроса. – Он наклонил голову. – Но заехать за гребаным печеньем – в этот список не входит.

Она нахмурилась, слезая с байка.

– Ну знаешь что, Рук? Мы уже здесь, так что я сейчас обойду угол и куплю себе печенье. А ты можешь либо сидеть тут и ждать, как хороший маленький грабитель, либо уехать и оставить меня здесь, либо пойти со мной. Но у меня был просто отвратительный вечер, и я хочу чертово печенье, – сказала она, чуть ли не плача.

Такой всплеск эмоций, наверное, стоило ожидать. Но до этого она была напугана, и к такому я сейчас точно не гото-

вился. К тому моменту, как до меня дошло, что именно она сказала, девчонка уже скрылась за углом кирпичного здания.

– Эй! – рывкнул я, догоняя ее.

Она даже не сбавила шаг, так что я схватил ее за руку, заставив остановиться.

– Какого хрена ты знаешь мое имя?

Она пожала плечами, пытаясь выглядеть расслабленной, но у нее это не получалось. Половину своей жизни я потратил на изучение языка тела. Это здорово облегчает и запугивание людей, и выход из неприятностей, когда ты знаешь, о чем они на самом деле думают.

И я знал – она все еще напугана.

– Твой друг позвонил, а я ответила. Ты был в шлеме.

– Эйден?

– Да.

– Я его убью.

– Почему? Не хочешь, чтобы люди, которых ты пытался ограбить, знали твое имя?

Я усмехнулся.

– Не особо, нет. Что еще он сказал?

– Что ты сегодня не в духе и что мне стоит подольше держать тебя вне дома, потому что он не хочет с тобой возиться.

– И ты решила, что печенье – отличная идея?

– Я хотела его до того, как ты попытался меня ограбить, так что это показалось логичным.

Она резко развернулась, распахнула дверь пекарни и за-

шла внутрь. Мне чертовски не понравилось, что я пошел следом, но мне нужно было знать, что еще наговорил Эйден. Надо было понять, насколько сильно придется его избить за то, что он рассказал незнакомке.

Она подошла к прилавку, чтобы сделать заказ, и я встал позади нее. Маску я так и не снял, и девушка за стойкой быстро перевела взгляд обратно на Бунтарку, явно избегая моего взгляда.

– Двойную порцию того же, что берет она.

Бунтарка отошла в сторону и посмотрела на меня снизу вверх, расправив плечи.

– Что, теперь ты думаешь, что я еще и платить буду? – спросил я.

– Ты держал меня под дулом пистолета! – возмутилась она. – Меньшее, что ты можешь сделать, – купить мне печенье.

Глаза девушки за прилавком расширились, а рот приоткрылся.

– Я вообще-то не пытался ее ограбить, – сказал я, вытаскивая наличку и протягивая больше, чем нужно. – Я пытался ограбить ее парня. – И кивком указал на деньги. – Сдача твоя. Если не будешь вызывать полицию.

Похоже, из-за этой истории и моего внешнего вида девушка испугалась и согласно кивнула.

– Без проблем, – пропищала она. – Сейчас принесу.

– Спасибо! – крикнула Бунтарка, отталкивая меня. – Не

будь таким грубым.

– Это не я бегаю и во весь голос рассказываю о преступлениях, которые совершаю.

– То есть ты совершил больше одного преступления?

Я нахмурился.

– Сегодня? Да. Это было не очевидно? И если ты начнешь трепаться о моих делах, я буду менее добр.

– Это угроза? И это ты называешь «быть милым»?

Я забрал коробку с печеньем и протянул ей, когда мы вышли на улицу.

– Конечно, это угроза. И ты не осталась на обочине, так что да – это я проявляю доброту.

– Еще раз на меня посыплются твои угрозы, и я сразу пойду в полицию и все о тебе расскажу.

– А я вломлюсь к тебе домой и похищу тебя так, что ты больше никогда не увидишь ни свою семью, ни копов, – сказал я, стягивая маску ровно настолько, чтобы откусить первый кусок печенья. Она не врала: оно было охрененным.

Я не сразу понял, что она остановилась. Осознание пришло, когда я свернул за угол в переулок, где был припаркован байк. Вернувшись, я увидел, что она застыла на тротуаре.

– Проблемы?

– Да, проблемы. Ты только что пригрозил меня похитить!

– Только если ты решишь меня сдать. В остальном я вообще не планирую тебя больше видеть.

– Но... ты бы правда это сделал?

– Конечно, сделал бы, – ответил я. – Так ты собираешься есть свое печенье или я забираю все себе?

Она вырвала коробку из моих рук и прижала к груди: «Я буду есть свое печенье дома. А отсюда я вполне могу добраться сама».

Я откинулся на байк, наблюдая за ней, доедая последнее печенье, которое она, видимо, собиралась мне отдать.

– Убегаешь?

– От парня, который держал меня под дулом пистолета и угрожал похитить? Да. Именно этим я и занимаюсь.

Ее телефон зазвонил, казалось, уже в двадцатый раз с тех пор, как мы слезли с байка, и, как и прежде, она тут же сбросила.

– Проблемы?

– Эллиот. Он не перестает звонить.

– Дай телефон.

– Ты думаешь, что я сейчас отдам тебе свой телефон? – фыркнула она. – Ты что, уедешь с ним?

– Да. Я как раз остро нуждаюсь в розовых смартфонах. Давай, – сказал я, протягивая руку. Я взял его, откинулся на байк и включил громкую связь. Прошел всего один гудок, прежде чем Эллиот ответил.

– Детка? О боже, детка, ты в порядке?

– Ты правда думаешь, что девушка, которую ты бросил на дороге с человеком, которому ты должен деньги, в порядке? – спросил я, угрожающе понизив голос.

Она подняла на меня взгляд, кончик языка мелькнул, когда она облизнула губы.

– Ты... ты забрал ее? – спросил Эллиот. Паника в его голосе была недостаточно убедительной. Скорее всего, его больше волновало возможное полицейское расследование, чем ее безопасность.

– Конечно я ее забрал. Ты, черт возьми, оставил горячую девушку на опасной улице с парнем, который ненавидит тебя и носит с собой пушку.

Я молчал, пока Эллиот орал в трубку бесконечную цепочку пустых угроз.

– Твоя вина, урод. Не оставляй ценные вещи у людей, которым должен деньги. Привези наличку в мастерскую, и я доставлю ее домой в целости и сохранности.

Я молчал, пока Эллиот выкрикивал что-то про то, чтобы я к ней не прикасался.

– Боишься, что она разочаруется в твоих способностях, если это сделаю я?

– Рук! – крикнула она, пытаясь меня пристыдить.

– Черт. Мне пора. Она уже кричит мое имя, – протянул я. – Деньги, Эллиот. Не забудь, мать твою.

Я сбросил вызов и протянул телефон ей.

– Не бери трубку какое-то время. Пусть думает, что со мной у тебя лучший секс в жизни после того, как он кинул тебя.

Она не сдвинулась с места, и это дало мне возможность

наконец как следует ее рассмотреть. Полные красные губы, длинные темные волосы, высокомерие богатой девочки, уверенной, что я – ничто. Она была красивой.

Не было ничего приятнее, чем переспать с девушкой, которая считает меня монстром. Довести ее до дрожи, заставить умолять о большем, а потом наблюдать, как наутро она просыпается с отвращением к самой себе за то, что хочет повторить.

Извращенное удовольствие: заставить такую, как она, хотеть меня... или кого-то вроде меня, не имеющего себе равных.

В этом месяце исполнилось ровно полгода с тех пор, как я ни с кем не спал, и, возможно, именно это туманило мне голову подобными мыслями.

– Иди сюда, – сказал я.

Как ни странно – она не сдвинулась.

Я оттолкнулся от байка и медленно двинулся к ней, пока она не уставилась на меня снизу вверх с приоткрытым ртом и широко распахнутыми глазами.

– Что ты делаешь? – спросила она, все еще прижимая коробку к груди.

Я наклонился так близко, что наши губы оказались на расстоянии вдоха.

– Проверяю, поцелуешь ли ты меня, если я подойду ближе.

Она не шевельнулась. Не вздохнула. Но ее взгляд встре-

тился с моим.

– Не поцелую.

Моя рука скользнула вдоль ее бока, по линии талии, к краю юбки.

– И почему же?

– Потому что я думаю, что ты можешь убивать людей. А я не целуюсь с убийцами.

– Конечно, – сказал я, позволяя пальцам скользить по ее бедру. – А что-нибудь еще ты делаешь с убийцами?

– Нет... наверное, нет, – ее голос дрогнул на последнем слове, и я продолжил вести рукой выше по ее бедру.

– Хочешь продолжить играть в бунтарку и сделать первый шаг? – Я наклонился, обхватывая ее за талию и притягивая ближе к байку.

– Учитывая, что для того, чтобы вернуться домой, мне все равно придется снова на него сесть, думаю, сегодня я наигралась в бунтарку.

– Уверена? – тихо сказал я. – Так приятно расширять границы. Я мог бы помочь тебе с этим.

Моя рука сжала ее бедро, и я опустил голову, едва касаясь губами ее шеи. Ее дыхание сбилось, и я почувствовал, как учащается ее пульс.

– Скажи только слово, Бунтарка, – прошептал я, – и я дам тебе то, чего Эллиот никогда не сможет.

Рейган

Глупая.

Это я, если уместить меня в одно слово. Глупая.

Но этого оказалось недостаточно, чтобы перестать находить привлекательным мужчину, который угрожал моему бывшему, жуя печенье. И этого оказалось достаточно, чтобы я задумалась, а не стоит ли мне исследовать свои новообретенные бунтарские наклонности и попросить чуть больше, чем просто поездку на мотоцикле. Он наклонился ближе, сильнее сжав мое бедро.

В конце концов, парня у меня больше нет. Эллиот получит одно сообщение и после этого будет в блоке.

Губы Рука скользнули вдоль моей шеи, и на мгновение я задумалась, а не поддаться ли. Не позволить ли ему уложить меня на байк и узнать, что именно он считал тем, чего Эллиот никогда не смог бы мне дать.

– Я думала, ты сказал, что не будешь меня трогать?

– Я солгал.

– Ну, значит, и я тоже, – сказала я, выхватывая печенье. Подняв его, сунула ему в рот. – Не хочу быть бунтаркой.

Я задержала дыхание, пока он осознавал, что произошло. На первый удар бешено колотящегося сердца я вспомнила,

что мы одни в темном переулке и я отвергла его. Замерев, ожидала, какой именно ответ последует.

Он выпрямился, вынул печенье изо рта и рассмеялся.

– Я уже начал думать, что ты поделишься чем-то бóльшим, – сказал он, откусывая еще кусочек. – Ты держалась за них так, будто это твое самое ценное сокровище.

– Ты... не злишься?

– Из-за этого? – спросил он, приподнимая печенье. – Во-все нет. Забавно, что ты думаешь, будто не хочешь быть бунтаркой. Мне кажется, я мог бы очень быстро изменить твое мнение.

– Думаю, тебе стоит отвезти меня домой.

Он покачал головой, перекинул ногу через байк и уселся, ожидая меня.

– Ты правда не злишься? И все еще везешь меня домой?
Живой?

– Как ни странно, у меня нет привычки убивать людей за то, что они не хотят трахаться со мной в переулках. Это Эллиот так делает? Я знал, что у него проблемы с моралью, но это что-то новенькое, – добавил он со смехом.

Я закатила глаза.

– Забудь, что я вообще спросила, – сказала я, замешкавшись, прежде чем сесть.

Мысли метались: сомнения, вопросы, тревога. Но ощущение чего-то нового и захватывающего оказалось слишком сильным, чтобы устоять. Я глубоко вдохнула, схватила шлем

и натянула его, усаживаясь за спиной Рука. К счастью, в этот раз я не споткнулась, что было хорошо, потому что ноги почти не слушались. Его пальцы, скользнувшие вдоль моих боков, как будто подожгли изнутри, и как бы я ни убеждала себя, что между нами ничего не будет, часть меня все равно этого хотела.

Я была хорошей, послушной девочкой. Рук определенно был не в моем вкусе. Но почему я испытывала такой восторг, обнимая его?

Он газанул, и я вцепилась в него, стараясь держать руки на животе, но каждый рывок мотоцикла заставлял ладони скользить ниже: сначала к ремню, а потом чуть дальше. Рук не солгал, когда сказал, что я что-то почувствую, если опущу руку ниже ремня. Моя ладонь скользнула по его джинсам, на мгновение нащупав твердую линию, прежде чем я тут же ее отдернула. Было не так много мест, до которых можно дотронуться. Снова подняла руки выше, проведя по его напряженному животу.

Может, мне и не обязательно было полностью переставать быть бунтаркой.

Мои пальцы снова скользнули вниз, на этот раз смелее. Я приподняла худи и футболку под ним, распластав ладони по обнаженной коже. Стоило мне прижаться теснее, желая большего, как в теле появилась теплая, тянущая боль внизу живота.

Когда я поняла, что мы уже близко, убрала руки и указала

на следующую дорогу. Это была не моя улица, а соседняя, и оттуда предстояла всего лишь раздражающе длинная прогулка через два двора.

Давать Руку понять, где я живу, казалось еще одним глупым решением, которое я могла принять сегодня.

Он снова дернул байк, заставив меня рухнуть на его спину и вцепиться в него в последний раз, прежде чем я начала отчаянно колотить его по плечу, требуя остановиться у случайного дома.

Я не теряла ни секунды: слезла и протянула ему шлем.

– Как называется то, что ты сейчас сделал?

– Что именно?

– Когда байк подпрыгивает.

– Я чуть отпускаю сцепление, и он дергается.

– Мне это не нравится.

Он усмехнулся, приподняв брови.

– А мне – очень.

Я покачала головой, стараясь не улыбнуться в ответ.

– Спасибо... наверное, – сказала я, поправляя юбку и резко разворачиваясь, чтобы пройти по подъездной дорожке. Я знала пожилого мужчину, живущего здесь, – он не возражал бы, если бы через его дом срезали путь. – Увидимся... никогда. Скорее всего.

– Эй! – крикнул он мне вслед. – А если я все-таки захочу увидеть тебя снова?

Я покачала головой. Мне было не только неловко – я по-

настоящему почти ничего о нем не знала, а те немногие вещи, которые знала, совсем не наводили на хорошие выводы.

– Нет, – сказала я. – Ты не хочешь.

Я уже оказалась на заднем дворе соседского дома, когда услышала, как байк сорвался с места. Рев двигателя слышался бесконечно долго, пока наконец не растворился в ночи.

Я подождала еще несколько секунд, прежде чем идти дальше. До нашего дома отсюда был приличный путь, но, по крайней мере, я чувствовала себя немного умнее: не стала показывать незнакомцу дорогу к своему жилищу.

Особняк вырос передо мной из темноты, его огни были маяком. В отличие от других домов в округе, наш стоял в стороне – длинная подъездная дорога и огромный участок создавали ощущение полной изоляции от немногих соседей.

Сердце колотилось, когда я открыла дверь. Одна часть меня чувствовала себя так, будто у меня на лбу написано все, что я сегодня натворила. Другая напоминала, что, по сути, никому нет дела, где я была и что со мной произошло.

Моя часть дома встретила меня пустотой. Шесть спален, один кабинет, огромная кухня, гостиная и столовая. Бесконечные комнаты и ни души. Наш дом был словно разделен пополам. Эта сторона в основном принадлежала мне: спальня, гостиная, кухня. Другую часть отец пристроил позже – там была его спальня, кабинет, парадная гостиная и небольшая кухня, которую использовали только тогда, когда кто-то приходил готовить для него.

Ладно. Скорее – каждый день. И все равно здесь не было ни одного человека, которому было бы не все равно, что со мной произошло.

Я фыркнула и начала подниматься по нелепо огромной лестнице к своей спальне, вытаскивая печенье из коробки и нажимая имя Харпер в телефоне.

– Привет. Эллиот тебя в подвале не запер? – спросила она.

– Нет. Но, кажется, он сделал кое-что куда хуже. И, возможно... я тоже, – ответила я, запирая дверь спальни и забираясь в кровать, прежде чем рассказать Харпер все.

6

Рейган

Прошел еще один день, который я провела дома, бездельничая. Никаких мероприятий, никаких приемов – ничего не происходило, кроме бесконечных дней, в которых я никому не была нужна и ничего не должна была делать.

После колледжа я осталась дома ради отца. Он то и дело вскользь говорил, что ему нужна помощь и он не хочет, чтобы я была слишком далеко от него, и я довольно быстро все поняла. Поэтому вместо того, чтобы после выпуска выйти в мир и начать жить своей жизнью, я вернулась домой – заботиться о нем и ждать момента, когда он позволит мне по-настоящему включиться и помочь.

Но он, казалось, бежал вперед изо всех сил при поддержке врачей, а я продолжала ждать.

Так что единственным вкладом, который я вносила в этот мир, оставалось искусство. Но даже рисование на этой неделе не интересовало. Мне просто нужна была причина, чтобы встать.

Вместо того чтобы заняться чем-то действительно полезным, я закинула ноги на спинку дивана и смотрела очередной выпуск *Dateline* вверх ногами, как будто это могло сделать его хоть немного интереснее.

– Что ты делаешь, Рейган? Сядь нормально. – Голос отца заставил меня вздрогнуть и резко перевернуться.

Он редко заходил в эту гостиную. Большую часть времени отец проводил, запершись в своем кабинете: либо там, либо в здании компании в городе. Даже когда он был дома, я почти никогда об этом не знала.

А теперь он сидел напротив меня, и от того, как он приподнял бровь, внутри все сжалось.

– Где ты была вчера ночью, что вернулась домой только в час и пробралась через заднюю часть дома? – спросил он. Его взгляд был жестким, злым.

– С Эллиотом. Я говорила тебе, что мы идем вместе, – ответила я, стараясь дышать коротко и ровно, чтобы унять разогнавшееся сердце.

– Тогда почему тебя видели идущей через двор соседа к нашему дому? Он позвонил, чтобы убедиться, что с тобой все в порядке.

– Эллиот свернул не туда и вывел меня из себя. Я решила, что пройти через двор будет проще, чем оставаться с ним в машине еще хоть минуту.

Его лицо смягчилось, совсем немного, но ответ его явно не устроил.

– Ты запустила с десятков охранных сигнализаций и подняла моих людей на уши. Я звонил тебе, а ты снова и снова игнорировала звонки. Я едва не получил сердечный приступ, пока пытался все уладить.

– Я разговаривала с Харпер, – сказала я как можно более невинным тоном. Мне совсем не хотелось давать ему повод нервничать еще сильнее.

– Это уже нелепо, Рейган. Я оставляю тебя дома со всем, что может понадобиться, и при этом меня будят среди ночи сигналом тревоги из-за того, что кто-то ходит по моей территории.

– У тебя что, датчики по всему двору стоят?

– Они стоят на стене, через которую тебе пришлось перелезть. Я владею охранной компанией. Ты правда думаешь, что я не защитил это место как следует?

– Я... предполагала, но не знала наверняка.

– Нет, потому что ты не думаешь ни о чем, кроме своих картин и этого дурацкого сериала, – резко оборвал он.

Эти слова резанули жестко и глубоко. Да, это действительно занимало большую часть моего времени, но это было далеко не единственным, о чем я думала. И если бы все зависело от меня, то делала бы куда больше. Но я не осмелилась спорить. Раздражать отца еще больше – последнее, чего мне хотелось. Его здоровье и без того казалось хрупким, а стресс явно не шел на пользу. Все, что я читала о его болезни, говорило одно и то же: волнение лишь усугубляет симптомы. Я не могла стать причиной того, что ему станет хуже.

Я попыталась стряхнуть с себя боль, когда зазвонил его телефон. Отец был настолько поглощен злостью, что ответил, не вставая из-за стола.

Он многое скрывал от меня, и я вдруг поняла – это был один из таких моментов. Он почти никогда не принимал звонки при мне. Обычно отец бросал быстрый взгляд на экран и тут же уходил в другую комнату, чтобы ответить. Мне не позволялось слышать, что ему говорят и о чем вообще идет речь. Это осознание зудело под кожей, усиливая боль.

– Что? – рывкнул он в трубку, выслушивая собеседника. – Мне плевать. Мы дали вам две недели. И я имел в виду ровно две недели. До гребаного часа. – Он снова замолчал, губы сжались в тонкую линию. – Если у меня не будет денег, ты потеряешь куда больше, чем просто бизнес. Время на исходе. Ты уже лишился одного дня.

У меня отвисла челюсть. Эти слова звучали так, будто их произносил кто-то вроде Рука, но никак не мой отец, всегда безупречный генеральный директор в костюме и галстуке. Я могла лишь смотреть, как он встал и вперил в меня тяжелый взгляд.

– Мне нужно идти, – резко сказал он. – В эти выходные ты остаешься дома. Мне не нужно, чтобы ты куда-то выходила и создавала еще больше проблем. Ты вообще не покинешь дом.

– А если мне понадобится еда? – растерянно спросила я.

– Закажи доставку. У меня слишком много дел, Рейган, – сказал он. – Встречи, перелеты... – Он сделал паузу, прочистив горло. – Приемы у врачей. У меня все расписано, и ты

мне не помогаешь.

– Ты прав, – сказала я, сдаваясь сразу же, когда к глазам подступили слезы. – Прости.

Он лишь покачал головой и достал телефон, направляясь к парадному входу.

Я осталась сидеть, глядя в пустоту, пока дверь за ним не захлопнулась. Мне не хотелось плакать. Не хотелось признавать, насколько тяжелым бременем, казалось, я для него стала, когда все, чего я хотела, – быть полезной. Быть поддержкой. Но я не смогла сдержаться.

Я была неудачницей. И даже не успела по-настоящему попытаться быть кем-то другим.

Как бы сильно мне ни хотелось следовать правилам отца и оставаться дома, сегодня была *«Ночь Хеллоуина»* – ежегодный фестиваль в Хейвенвуде, и мы никогда его не пропускали. Я выскользнула из дома, оставив включенный телевизор в надежде, что шум не вызовет подозрений. На самом деле я не знала, сколько камер установлено в нашем доме, и в этот момент решила, что, возможно, лучше этого и не знать. Но выбраться с Харпер я точно должна была без проблем.

Харпер подобрала меня за углом квартала, и уже через десять минут мы гуляли по центру города.

– Думаешь, тебе это сойдет с рук? – спросила Харпер, явно удивленная тем, что я решилась сбежать.

Я редко шла против просьб отца, предпочитая оставаться

послушной дочерью, но сегодня больше не могла остаться в четырех стенах.

– Не знаю. Очень надеюсь. Такое чувство, будто дом надо мной издевается, – призналась я. – Хожу по нему, зная, что не могу уйти – отец разозлится. Но и оставаться, ничего не делая, тоже не могу, потому что сама начинаю злиться. Не понимаю. Я сделала все, что он от меня хотел. Почему бы не позволить мне помогать с бизнесом? Кому еще он собирается однажды его оставить?

Харпер закатила глаза и простонала: «Мужчине, скорее всего».

У меня скрутило живот:

– Ты думаешь, он скорее передаст все какому-то случайному человеку только потому, что у него есть член, а не мне?

– Думаю, твой отец уважает власть. И, похоже, считает, что мужчины по умолчанию более влиятельны.

Я стиснула зубы, понимая, что она может быть права.

– Я могу быть такой же сильной, как любой мужчина.

– Знаю. А он знает об этом? Ты сидишь дома и делаешь все, что он говорит. Возможно, твой отец и правда не понимает, на что ты способна.

– Но стоит мне попытаться это показать – он злится, что я не делаю то, что мне велели. Как мне вообще выиграть в этой игре?

Харпер пожала плечами:

– Думаю, тебе нужно решить, чего ты хочешь, и просто

идти к этому.

– Легко сказать.

Как только мы свернули на главную улицу, я невольно улыбнулась. Казалось, весь город был готов к Хеллоуину. Праздник захватил все вокруг: улицу украшали гирлянды оранжевых и фиолетовых огней, протянутых между зданиями, а в витринах магазинов висели паутины. Вдоль тротуара стояли нелепые пугающие фигурки, а крики и смех прохожих заставляли улыбаться. Главную улицу перекрыли, и мы пробирались через палатки с играми, едой и сувенирами.

– Рейган! – крикнула Харпер, схватив меня за руку и потянув к нашей компании друзей.

Эллиот стоял вместе с ними и пристально смотрел на меня, когда я подошла.

– Привет, – сказала я, не обращаясь ни к кому конкретно.

– Где ты была? – спросил Эллиот. Его холодный тон заставил меня усмехнуться.

– Дома и в безопасности. Не благодаря тебе.

– И что это должно значить? – нахмурился он.

– Думаю, это значит, что ты бросил свою девушку на улице с грабителем, – вмешалась Харпер. – Один на один. Хочешь обсудить это подробнее?

Его рот захлопнулся. Все, что Эллиот собирался сказать, он проглотил. Я попыталась сосредоточиться на остальных: все обсуждали планы на вечер и следующую неделю, но мои мысли упорно ускользали.

Я услышала мотоциклы раньше, чем увидела их. Мой взгляд тут же метнулся к Эллиоту – похоже, он тоже их услышал. Он хлопнул друга по груди и кивнул в сторону дороги за нашими спинами. Я ничуть не удивилась, когда мой бывший сорвался с места – друзья выстроились за ним цепочкой, лавируя сквозь толпу, и вскоре они исчезли из виду.

Двигатели взревели снова, и я застыла.

Это не мог быть Рук. Он ведь не стал бы приезжать сюда, чтобы найти Эллиота... правда? Да и откуда ему вообще знать, что Эллиот будет здесь?

Хотя... он ведь знал, что Эллиот будет со мной на выставке. Значит, действительно следил за ним.

Рев мотора и вспышка света привлекли мой взгляд. Улица была перекрыта, но это не остановило шестерых байкеров, несущихся прямо по ней. Они разделились: три ушли по одной стороне, три – по другой, выехали на тротуар, и ни один из них не обратил внимания на людей, в панике шарахающихся в стороны.

Различить байки было трудно. Какие-то отличались подсветкой, но в целом они выглядели почти одинаково. Один, черный с зелеными огнями, рванул вперед, выскочил в центр улицы и встал на заднее колесо, пролетая сквозь толпу.

Люди кричали, но байкерам было плевать. На мгновение я подумала, что это может быть Рук, но тут же вспомнила: у его байка была розовая подсветка.

И тогда я увидела *его*. Черный байк. Черная экипировка.

Тонкая линия розовых огней. Я поняла, что это он, еще до того, как Рук заметил меня.

Если он вообще меня заметит. Рук, наверное, даже не помнит, как я выгляжу.

Он выпрямился, его взгляд скользнул по толпе, когда рядом появился еще один байк – парень с девушкой за спиной. Из-под шлема по ее спине рассыпались светлые волосы. Казалось, происходящее вокруг ее совсем не интересовало – она быстро что-то набирала в телефоне.

Я схватила Харпер, пытаюсь оттащить ее подальше от мотоциклов, но она была слишком занята разговором с каким-то парнем. Толпа поредела еще сильнее: все старались держаться подальше, на случай если байки снова рванут по улице.

Блондинка хлопнула парня перед собой по плечу.

Тот, кто *мог* быть Руком, повернул голову, и на секунду показалось, что он смотрит прямо на меня. Его лицо, как всегда, скрывал шлем, и я уже почти решила, что мне это привиделось, пока он не махнул остальным и не указал в мою сторону.

– Харпер, – прошипела я, отвернувшись от байкеров и двинувшись к середине улицы.

Одновременный рев двигателей оглушил. Вся группа рванула в нашу сторону. Люди вокруг меня рассыпались, и я осталась стоять посреди дороги одна.

Байки закружили вокруг меня. Шины визжали по асфаль-

ту, я оказалась в кольце и перестала видеть что-либо вокруг. Один из мотоциклов резко развернулся, умчался прочь, а затем понесся обратно, прямо на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.